

ОТЗЫВ НА СТАТЬЮ В. Л. ТОЛСТЫХ «МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ КОНФЛИКТА В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ»

Еремян Лилит Араевна

Старший преподаватель кафедры международного и европейского права
Института права и политики Российско-Армянского университета (Ереван, Армения),
кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0002-5127-3776, e-mail: lilittyer@gmail.com

Для цитирования: Еремян Л. А. Отзыв на статью В. Л. Толстых «Международно-правовая квалификация конфликта в Нагорном Карабахе» // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 1. С. 15–20. DOI: 10.34076/22196838_2021_15.

RESPONSE TO THE ARTICLE BY V. L. TOLSTYKH «INTERNATIONAL LEGAL QUALIFICATION OF THE CONFLICT IN NAGORNO-KARABAKH»

Yeremyan Lilit

Senior lecturer, Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University (Yerevan, Armenia),
candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0002-5127-3776,
e-mail: lilittyer@gmail.com

For citation: Yeremyan L. (2021) Response to the article by V. L. Tolstykh «International legal qualification of the conflict in Nagorno-Karabakh». In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 1, pp. 15–20, DOI: 10.34076/22196838_2021_15.

После предоставления в 1924 г. Нахиджевану статуса автономной республики в рамках Азербайджанской Советской Социалистической Республики (АзССР) последовало насильственное изгнание оттуда местных армян¹. В 1917 г. армянское население Нахиджевана составляло около 40 %, в 1926 г. – всего 10,7 %, а уже к 1989 г. – 0,6 %. Аналогичная государственная политика дискриминации проводилась и в отношении армянского населения Нагорно-Карабахской автономной области (далее – НКАО)². В частности, разрушались армянские памятники культуры, религиозные памятники, кладбища, осуществлялись преследования священнослужителей, ограничивалось употребление армянского языка на всех уровнях, а также имел место принудительный разрыв всех связей с Арменией, в том числе изменялась территория НКАО, на должности в правоохранительные и другие государственные органы НКАО назначались исключительно этнические азербайджанцы³. АзССР также проводилась дискриминационная экономическая политика в отношении армян НКАО⁴. Ее цель, очевид-

¹ Bremmer I., Taras R. *New States, New Politics: Building Post-Soviet Nations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 444.

² Suny R. G. *Nationalism and Democracy in Gorbachev's Soviet Union: the Case of Karabagh* // *Michigan Quarterly Review*. 1989. Fall. P. 484; Абрамян Г. Социально-политическая жизнь армян Карабаха и Арцахская епархия (1901–1933). Ереван: Изд-во Первопрестольного Эчмиадзина, 2009. С. 200–215; Corley F. *The Armenian Church under the Soviet Regime*. Pt. 2. *The Leadership of Vazgen* // *Religion, State and Society*. 1996. Vol. 24. № 4. P. 323.

³ Papazian L. *A People's Will: Armenian Irredentism over Nagorno-Karabagh* // *The Making of Nagorno-Karabagh. From Secession to Republic* / ed. by L. Chorbajian. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2001. P. 64.

⁴ Летом 1965 г. Генеральному секретарю ЦК КПСС, председателю Совета министров СССР и председателю Верховного совета было адресовано письмо с 45 тыс. подписей, в котором описывалось экономическое положение НКАО в результате политики руководителей Азербайджанской ССР. См., например: Тер-Саркисянц А. Е. *Армяне Нагорного Карабаха. История, культура, традиции*. М.: Русская панорама, 2015. С. 332–335.

но, заключалась в «освобождении» НКАО от армянского присутствия и уничтожении следов армянской культуры.

Проживающий на территории Нагорного Карабаха (далее – НК) народ неоднократно (с 1918 по 1920 г., а также во второй половине XX в.) поднимал вопрос признания независимости Арцаха. Длительные и системные государственные репрессии, этнические чистки в Шаумянском регионе, погромы в Баку, Сумгаите, Кировабаде, акты насилия в отношении мирных армянских жителей, массовые нарушения прав человека на этнической почве и депортация армян стали причиной постановки вопроса о независимости НК в рамках референдума о выходе НКАО из состава АзССР в частности и СССР в целом. Из-за непризнания Азербайджаном результатов референдума армянский народ НКАО вынужден был продолжить борьбу за независимость и самоопределение. Следует отметить, что государственная политика дискриминации Азербайджана в отношении армянского этноса по сей день не прекратилась¹.

Вопрос квалификации конфликта с точки зрения международного гуманитарного права имеет большое значение для определения применимых правил. В частности рассматривая применение Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г. (далее – ДП I), следует отметить, что в соответствии с п. 4 ст. 1 ДП I положения Протокола применяются в ситуациях вооруженных конфликтов, в которых «народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций». Таким образом, согласно ДП I для квалификации ситуации в качестве международного вооруженного конфликта и применения положений Протокола необходимо наличие в совокупности двух условий: 1) должен быть вооруженный конфликт, в рамках которого народ ведет борьбу против *inter alia* расистского режима; 2) такая борьба ведется в целях осуществления своего права на самоопределение². Применимость к карабахскому конфликту ДП I, как минимум, подразумевает предоставление комбатантам с арцахской стороны всех гарантий военнопленных в случае, если они попадут под власть противника. Здесь следует оговориться, что Азербайджан не ратифицировал Протокол. Однако рассматриваемые выше положения, в частности принцип самоопределения, запрет дискриминации, принцип защиты прав человека, являются нормами обычного права³, что в свою очередь говорит о применимости

¹ Ярким примером государственной политики дискриминации со стороны Азербайджана являются государственное одобрение и поддержка убийства армянского военнослужащего Гургена Маргаряна, совершенного на почве ненависти по этническому признаку. По делу *Makuchyan and Minasyan v. Azerbaijan and Hungary* Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) признал действия Азербайджана нарушающими ст. 2 о праве на жизнь и ст. 14 о запрете дискриминации Европейской конвенции о защите прав человека (ЕКПЧ). В рамках данного дела ЕСПЧ были установлены «одобрение и поддержка» Азербайджаном совершенного преступления. После выдачи убийцы Азербайджану он на родине был встречен как герой, президент Азербайджана подписал указ о его помиловании, Министерство обороны повысило его в звании, ему выплатили жалование за проведенные в тюрьме восемь лет, министр обороны Азербайджана Сафар Абиев пожелал ему «успехов в дальнейшей деятельности в военной сфере». См., например: Достояние республики. Азербайджанского «убийцу с топором» превратили в героя // Lenta.ru. 2012. 3 сент. URL: <https://lenta.ru/articles/2012/09/03/hero/> (дата обращения: 03.03.2021). Политика дискриминации и ненависти на национальной почве проявлялась также в период военных действий между Арцахом и Азербайджаном в апреле 2016 г. и осенью 2020 г., когда военнослужащие армии Азербайджана жестоко убивали мирных жителей Арцаха, подвергали их пыткам, осуществляли предумышленные военные нападения на мирные города и села Арцаха. См., например: Interim Public Report of Ombudsman of Artsakh Republic «Atrocities committed by Azerbaijani military forces against the civilian population of the NKR and servicemen of the NK defence army on 2–5 April 2016». URL: <https://artsakhombuds.am/en/document/560> (дата обращения: 01.03.2021); The updated edition of the second interim report of Ombudsman of Artsakh Republic on the Azerbaijani atrocities against the Artsakh population in September–October 2020. URL: <https://artsakhombuds.am/en/document/735> (дата обращения: 01.03.2021); Зверства в Талише // Hetq. 2016. 3 апр. URL: <https://hetq.am/ru/article/66976> (дата обращения: 03.03.2021) и др.

² Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949 / ed. by Y. Sandoz, C. Swinarski, B. Zimmermann. Geneva: Martinus Nijhoff Publishers, 1987. P. 53–54.

³ Ibid. P. 51; Parker K. Jus Cogens: Compelling the Law of Human Rights // Hasting International and Comparative Law Review. 1989. № 2. P. 440–443. URL: <https://repository.uchastings.edu/cgi/viewcontent.cgi?>

положений Протокола в целом и о наличии обязательства Азербайджана по предоставлению гарантий военнопленным комбатантам, независимо от ратификации им ДП I.

Что касается роли и статуса Республики Армения (РА), то на протяжении многих лет она выступала в качестве гаранта безопасности и выживания армянского населения Арцаха. В резолюциях Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) по НК 1993 г. (822, 853, 874 и 884) подчеркивается, что соответствующие территории были заняты «местными армянскими силами», призывая Республику Армению использовать «свое влияние» в отношении армян НК. Резолюции СБ ООН были приняты именно в контексте имеющейся на тот момент ситуации. Между тем трехстороннее соглашение о прекращении огня между РА и НК, с одной стороны, и Азербайджаном – с другой, было подписано впоследствии – 12 мая 1994 г. Данное соглашение, по сути, было заключено во исполнение резолюций СБ ООН и в содержательном плане заменило их. Следует отметить, что Азербайджан многократно нарушал соглашение 1994 г., наиболее масштабные нарушения имели место в апреле 2016 г. и осенью 2020 г.

В контексте роли Армении как гаранта безопасности армян Арцаха важно рассмотреть применимость концепции обязанности защищать (R2P). R2P – это политическое обязательство государства (государств) способствовать прекращению насилия и преследований, защищать население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток или преступлений против человечности. В целях R2P применяются экономические, дипломатические меры, в крайних случаях – военное вмешательство. Предпосылками для военного вмешательства являются ситуации, когда людям причиняется серьезный и непоправимый ущерб или когда есть высокая вероятность причинения такого ущерба (например, массовые убийства, этнические чистки, осуществляемые путем лишения людей жизни, принудительной депортации или терроризирования населения)¹. Примерами применения концепции R2P выступают ситуация в Косово (конец 1990-х гг.), ситуация в Крыму, когда Россия прибегла к военному вмешательству, ссылаясь на уровень насилия и высокую вероятность причинения российскому населению Крыма серьезного и необратимого ущерба, ситуации в Кыргызстане (2010 г.), Сирии (2011–2012 гг.), Судане (2006–2011 гг.), Ливии (2011 г.) и т. д.

Следует подчеркнуть, что с развитием концепции R2P в науке международного права стали обсуждаться и вопросы о том, является ли гуманитарная интервенция оправданной и правомерной только в случаях применения мультинациональных вооруженных сил при наличии резолюции СБ ООН или же она может быть обоснована и считаться правомерной также в ситуации, когда осуществляется каким-либо государством без согласия СБ ООН в ответ на жестокие репрессии в отношении людей².

Поддержка Армии обороны Арцаха осуществлялась добровольцами из РА. Не соответствуют действительности утверждения об эффективном контроле, якобы осуществляемом Арменией³. Взаимосвязь Арцаха и Армении имеет давние корни и обусловлена общностью языка, религии, культуры и истории. Национальная и куль-

article=1234&context=hastings_international_comparative_law_review (дата обращения: 01.03.2021); *Trindade Cançado A. A. Jus cogens: the determination and the gradual expansion of its material content in contemporary international case-law // XXXV Curso de Derecho Internacional Organizado por el Comité Jurídico Interamericano. Washington, DC: General Secretariat of the OAS, 2008. P. 5–6. URL: <https://www.oas.org/dil/esp/3%20-%20cancado.LR.CV.3-30.pdf> (дата обращения: 06.03.2021).*

¹ *Pattison J. Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect Who Should Intervene? Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 2.*

² *Ibid.*

³ Относительно выводов ЕСПЧ, сформулированных в решении от 16 июня 2015 г. по делу *Chiragov et al. v. Armenia*, следует отметить, что тест эффективного контроля ЕСПЧ не приравнивается к тесту эффективного контроля МС. Кроме того, в своем постановлении Суд отметил, что материалы, доступные ЕСПЧ в ходе данного дела, не предоставляют достаточно доказательств относительно состава вооруженных сил Армии обороны Арцаха в период с 1992 по 1994 г. (para. 173). В целом спорной является и компетентность состава ЕСПЧ в вопросах применения иных отраслей права, кроме международного права прав человека (*Lubell N. Challenges in applying human rights law to armed conflict // International Review of the Red Cross. 2005. Vol. 87. № 860. P. 742–744*). В специальном мнении по этому делу судья Зиелемел поставил под вопрос также обоснованность и мотивацию решений ЕСПЧ по вопросам международного публичного права и международного гуманитарного права.

турная близость двух субъектов международного права не может рассматриваться в качестве доказательства наличия эффективного контроля и не может быть использована для его установления в соответствии со стандартом Международного суда ООН (МС). Вовлеченность же Армении в разрешение карабахского вопроса на уровне выступлений и высказываний различных должностных и иных лиц РА, а также на уровне финансовой поддержки Арцаха за счет пожертвований армянской диаспоры именно для данной цели полностью соответствует требованиям международного права. Такая поддержка осуществлялась *inter alia* для защиты армянского населения Арцаха от серьезного и необратимого ущерба, этнических чисток и преследований со стороны Азербайджана. Здесь же следует заметить, что ситуация в Арцахе после 44-дневной войны 2020 г. более или менее стабильна только благодаря временному присутствию миротворческих сил РФ. Однако с учетом отсутствия буферной зоны и в случае выхода миротворцев из региона, вероятно, в дальнейшем возникнет необходимость применения в НК концепции R2P.

В соответствии с Декларацией о восстановлении государственной независимости Азербайджана и конституционным актом «О государственной независимости Азербайджанской Республики» Азербайджан объявил себя правопреемником Азербайджанской Демократической Республики 1918–1920 гг.¹ Таким образом, при провозглашении независимости Азербайджан заявил о своих правах на территорию Азербайджанской Республики 1918–1920 гг., которая не включала на тот момент территорию НК. В то же время провозглашение независимости Арцаха соответствовало и положениям международного права о восстановительной сецессии. Следует подчеркнуть, что в основе концепции восстановительной сецессии – нормы *jus cogens* и нормы обычного права (право на самоопределение, запрет дискриминации и принцип защиты прав человека). Принцип же *uti possidetis juris*, с нашей точки зрения, неприменим в отношении карабахского вопроса. МС в деле о пограничном споре Буркина-Фасо / Мали, подробно рассмотрев данный принцип, пришел к выводу, что он применим в контексте деколонизации и направлен на обеспечение административных границ, установленных метрополией при выходе².

В статье В. Л. Толстых подробно проанализированы позиция армянской стороны относительно квалификации действий Азербайджана в 2020 г. и аргументы, свидетельствующие о том, что совершенное Азербайджаном осенью 2020 г. нападение не может рассматриваться как самооборона и представляет собой нарушение ч. 4 ст. 2 Устава ООН. Необходимо добавить, что утверждения Азербайджана о том, что якобы армянские власти заняли непримиримую позицию, в то время как Азербайджан продемонстрировал готовность идти на уступки, не имеют ничего общего с действительностью и представляются беспочвенными. В течение многих лет армянская сторона неоднократно шла на уступки в целях мирного разрешения вопроса. Так, изначально в переговорах участвовали представители Арцаха и Армении как гаранта безопасности жителей Арцаха, однако этот формат был изменен по настоянию азербайджанской стороны и в результате уступки армянской стороны. Армянская сторона была готова подписать Казанское соглашение, и именно президент Азербайджана в последний момент отказался его подписывать³. Армянская сторона не инициировала признание Арцаха, а также не предприняла каких-либо действий в международных судебных инстанциях, чтобы не препятствовать тем самым мирному переговорному процессу. В свою очередь президент Азербайджана неоднократно подчеркивал невозможность предоставления Арцаху статуса независимого государства, тогда как именно этот вопрос был ключевым в переговорах для всех сторон.

Аргументы Азербайджана относительно определения агрессии и цели запрета не кажутся убедительными, поскольку принцип территориальной целостности применяется исключительно в отношениях между признанными государствами. Данный принцип неприменим к случаям реализации права народов на самоопределение⁴.

¹ Статья 2 Конституционного акта Азербайджанской Республики от 18 октября 1991 г. № 222-xii.

² Frontier Dispute, Judgment (*Burkina Faso / Mali*). I. C. J. Reports. 1986. P. 564–565. Paras. 19–20.

³ Бабаян А. «Коммерсантъ» опубликовал детали Казанского документа // Радио Азатютюн. 2016. 20 апр. URL: <https://rus.azatutyun.am/a/27686688.html> (дата обращения: 06.03.2021).

⁴ Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo. Advisory Opinion. I. C. J. Reports. 2010. P. 403. Para. 80.

Следует отметить, что в течение 44-дневной войны осенью 2020 г., кроме нарушения ч. 4 ст. 2 Устава ООН и резолюции 2532, Азербайджаном были совершены и другие грубые нарушения международного права. В частности, он нарушил свои обязательства по Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (ратифицирована Азербайджаном в 1997 г.), а также Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Ни Армения, ни Арцах, в отличие от Азербайджана, не осуществляли дискриминационной политики, преследований и насилия в отношении азербайджанцев. И даже в период первой карабахской войны азербайджанцы покидали места проживания по собственной воле – без насилия.

С сентября 2020 г. азербайджанская сторона продолжительно и зачастую преднамеренно нарушала нормы МГП. В частности, ежедневно нарушались принципы разграничения и избирательности, принцип пропорциональности. Объектом нападения становились гражданское население и гражданские объекты, в том числе культурные объекты, религиозные памятники; применялось фосфорное оружие в лесных местностях; военнопленные из Арцаха до сих пор незаконно удерживаются азербайджанской стороной.

Политика дискриминации, проводимая Азербайджаном в отношении армян Арцаха, по сей день не изменилась и становится все более очевидной. Как указывает В. Л. Толстых, вероятным сценарием развития событий является ликвидация какой-либо автономии и попытка постепенной ассимиляции армянского населения Азербайджаном. В МПП нет такого положения, которое запрещало бы одностороннее провозглашение независимости, равно как и нет обязательства государств воздерживаться от признания самопровозглашенного государства¹. Единственным долгосрочным решением в сложившейся ситуации является продвижение вопроса о признании НК международным сообществом.

Арцах может получить доступ к международным судебным инстанциям, чтобы добиться судебного признания государственности. Так, на основании ч. 1 ст. 36 Статута МС Арцах может принять юрисдикцию МС путем заключения договоров, требующих, чтобы споры, возникающие из этих соглашений, попадали под юрисдикцию МС.

При оценке юрисдикции МС по вопросу о судебном признании Арцаха интересным представляется действующий механизм согласно ч. 2 ст. 35 Статута МС и Резолюции 9 СБ от 15 октября 1946 г. В рамках данного механизма решение вопроса об участии Арцаха в Статуте МС будет относиться к компетенции МС. Практика показывает, что МС никогда не отклонял заявления о юрисдикции какого-либо государства, если будут соблюдены все формальные требования. Возможно также использование процедуры дачи консультативного заключения МС, как это произошло в рамках косовского прецедента. В данном контексте особенно важен проводимый на дипломатическом уровне переговорный процесс по продвижению вопроса признания независимости Арцаха, что в значительной мере способствовало бы долгосрочному урегулированию конфликта.

Таким образом, представляется, что необходимо использовать все возможные международно-правовые, а также политические и дипломатические механизмы для признания государственности Арцаха в целях обеспечения сохранения армянского населения и армянской культуры Арцаха, доминирующих там с незапамятных времен.

Список литературы

Абрамян Г. Социально-политическая жизнь армян Карабаха и Арцахская епархия (1901–1933). Ереван: Изд-во Первопрестольного Эчмиадзина, 2009. 223 с.

Бабаян А. «Коммерсантъ» опубликовал детали Казанского документа // Азатютюн. 2016. 20 апр. URL: <https://rus.azatutyun.am/a/27686688.html> (дата обращения 06.03.2021).

Тер-Саркисянц А. Е. Армяне Нагорного Карабаха. История, культура, традиции. М.: Русская панорама, 2015. 918 с.

Bremmer I., Taras R. New States, New Politics: Building Post-Soviet Nations. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 796 p.

¹ Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo. Advisory Opinion. Paras. 79–80.

Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949 / ed. by Y. Sandoz, C. Swinarski, B. Zimmermann. Geneva: Martinus Nijhoff Publishers, 1987. 1658 p.

Corley F. The Armenian Church under the Soviet Regime. Pt. 2. The Leadership of Vazgen // *Religion, State and Society*. 1996. Vol. 24. № 4. P. 289–343.

Lubell N. Challenges in applying human rights law to armed conflict // *International Review of the Red Cross*. 2005. Vol. 87. № 860. P. 737–754.

Papazian L. A People's Will: Armenian Irredentism over Nagorno-Karabagh // *The Making of Nagorno-Karabagh. From Secession to Republic* / ed. by L. Chorbajian. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2001. P. 54–94.

Parker K. Jus Cogens: Compelling the Law of Human Rights // *Hasting International and Comparative Law Review*. 1989. № 2. P. 411–463.

Pattison J. *Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect Who Should Intervene?* Oxford: Oxford University Press, 2010. 295 p.

Suny R. G. Nationalism and Democracy in Gorbachev's Soviet Union: the Case of Karabagh // *Michigan Quarterly Review*. 1989. Fall. P. 481–506.

Trindade Cançado A. A. Jus cogens: the determination and the gradual expansion of its material content in contemporary international case-law // *XXXV Curso de Derecho Internacional Organizado por el Comité Jurídico Interamericano*. Washington, DC: General Secretariat of the OAS, 2008. P. 3–29. URL: <https://www.oas.org/dil/esp/3%20-%20cancado.LR.CV.3-30.pdf> (дата обращения: 06.03.2021).

References

Abramyan G. (2009) *Sotsial'no-politicheskaya zhizn' armyan Karabakha i Artsakhskaya eparkhiya (1901–1933)* [Socio-political life of the Armenians of Karabakh and the Diocese of Artsakh (1901–1933)]. Erevan, Izd-vo Pervoprestol'nogo Echmiadzina, 223 p.

Babayan A. (2016) «Kommersant» опубликовал детали Казанского документа [«Kommersant» published details of the Kazan document]. In *Azattyun*, 20 Apr., available at: <https://rus.azattyun.am/a/27686688.html> (accessed: 06.03.2021).

Bremmer I., Taras R. (1997) *New States, New Politics: Building Post-Soviet Nations*. Cambridge, Cambridge University Press, 796 p.

Corley F. (1996) The Armenian Church under the Soviet Regime. Pt. 2. The Leadership of Vazgen. In *Religion, State and Society*, vol. 24, no. 4, pp. 289–343.

Lubell N. (2005) Challenges in applying human rights law to armed conflict. *International Review of the Red Cross*, vol. 87, no. 860, pp. 737–754.

Papazian L. A (2001) People's Will: Armenian Irredentism over Nagorno-Karabagh. In Chorbajian L. (Ed.) *The Making of Nagorno-Karabagh, From Secession to Republic*. New York, Palgrave Macmillan, pp. 54–94.

Parker K. (1989) Jus Cogens: Compelling the Law of Human Rights. In *Hasting International and Comparative Law Review*, no. 2, pp. 411–463.

Pattison J. (2010) *Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect Who Should Intervene?* Oxford, Oxford University Press, 295 p.

Sandoz Y., Swinarski C., Zimmermann B. (Eds.) (1987) *Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949*. Geneva, Martinus Nijhoff Publishers, 1658 p.

Suny R. G. (1989) Nationalism and Democracy in Gorbachev's Soviet Union: the Case of Karabagh. In *Michigan Quarterly Review*, Fall, pp. 481–506.

Ter-Sarkisyants A. E. (2015) *Armyane Nagornogo Karabakha. Istoriya, kul'tura, traditsii* [Armenians of Nagorno-Karabakh. History, culture, traditions]. Moscow, Russkaya panorama, 918 p.

Trindade Cançado A. A. (2008) Jus cogens: the determination and the gradual expansion of its material content in contemporary international case-law. In *XXXV Curso de Derecho Internacional Organizado por el Comité Jurídico Interamericano*, Washington, DC, General Secretariat of the OAS, pp. 3–29, available at: <https://www.oas.org/dil/esp/3%20-%20cancado.LR.CV.3-30.pdf> (accessed: 06.03.2021).